

КОНТИНУУМ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Нестеренко Евгения Сергеевна

аспирант,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: Nesterenko.E.S@yanedx.ru

Симченко Наталия Александровна

доктор экономических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
зав. кафедрой экономической теории,
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: natalysimchenko@yandex.ru

Аннотация: В статье проведено терминологическое упорядочение и идентификация сущности дефиниции «производительные силы», применительно к современному цифровому этапу развития экономики и общества для выявления возникших изменений под воздействием цифровых факторов. Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что на современном этапе развития цифровой экономики синтез политической экономии и неоклассической теорий нецелесообразен. Необходимо создать концепцию, которая покажет диалектическое единство данных теорий, но с параллельным существованием. В свою очередь, выявлено, что в эпоху цифровой экономики происходит трансформация производственных сил и вводится в структуру производственных сил такой элемент как робот. Однако, несмотря на то, что в ближайшем будущем большинство производственных процессов будет автоматизировано и труд рабочего полностью или частично будет заменен робототехникой, авторы считают, что человек все равно остаётся главной движущей производительной силой. Исходя из вышеизложенного, сделан вывод о том, что глобальное стремительное развитие цифровой экономики является следствием модификации структуры производственных отношений и формирования нового цифрового общества. Поэтому, для того чтобы, в будущем, обеспечить нашему государству технологическое лидерство, необходима трансформация существующей институциональной среды и создание новых цифровых институтов.

Ключевые слова: производительные силы, институты, труд, рабочая сила, цифровая экономика, производственные отношения.

JEL: D24

CONTINUUM OF THE THEORETICAL AND ECONOMIC BASIS FORMATION AS A PART OF DIGITAL'S ECONOMY DEVELOPMENT

Nesterenko Evgenia Sergeevna,
postgraduate of 3 years of study,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Republic of Crimea, Russian Federation

Simchenko Nataliia Alexandrovna
Doctor of Economical Sciences, Professor,
Head of the Department of Economic Theory,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Republic of Crimea, Russian Federation

Abstract: authors have carried out terminological streamlining and identification of essence of a definition «productive forces», in relation to a present digital stage of the development of economy and society for revelation of the arisen changes

under the influence of digital factors. The hypothesis of the real research is that synthesis of political economy and neoclassical theories is inexpedient at the present stage of the development of the digital economy. It is necessary to create the concept which will show dialectic unity of these theories, but with parallel existence. In turn, it is revealed that during an era of digital economy there is a transformation of production forces and such element as the robot is entered into structure of production forces. However, in spite of the fact that in the future the majority of productions will be automated and work of the worker will be in whole or in part replaced with robotics, authors consider that the human all the same remains by the main driving productive force. Based on the above, authors drew the conclusion that the global rapid development of digital economy was a consequence of modification of the structure of relations of production and formations of new digital society. Accordingly, in the future, so as to provide to our state technological leadership, transformation of the existing institutional environment and creation of new digital institutes are necessary.

Keywords: productive forces, institutes, work, labor, digital economies, relations of production.

Внедрение и развитие цифровой экономики становится главным трендом успешного современного государства, которая подразумевает стремительную цифровизацию технологических процессов и всеобъемлющего применение цифровых технологий в экономической деятельности. Весь мировой экономический рост в долгосрочной перспективе зависит от внедрения инноваций и реализации потенциала цифровой экономики, а также повышения производительности труда. Цифровые технологии модифицируют повседневную жизнь человека, производственные отношения, структуру экономики и образования, изменяют требования к коммуникациям, вычислительным мощностям, информационным системам и сервисам. Преобразования, вызванные цифровой экономикой, ставят перед необходимостью с принципиально иных мировоззрений подойти к осмыслению базовых парадигмальных постулатов, которые доминировали в отечественной экономической науке и формировали фундамент экономической теории. Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, формирование нового технологического уклада, стремительная скорость четвертой промышленно-технологической революции или «Индустрии 4.0» потребовали повторное исследование содержания большинства базовых категориальных дефиниций экономической науки, включая категорию «производительные силы». Несмотря на существенное влияние производительных сил на развитие производственных процессов, доводится освидетельствовать, что в последние десятилетия интерес к изучению этой категории ослаб.

Цель исследования – терминологическое упорядочение и идентификация сущности дефиниции «производительные силы», применительно к современному цифровому этапу развития экономики и общества для выявления возникших изменений под воздействием цифровых факторов и снижения неопределенности, возникающей при их использовании в научном обороте.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что на современном этапе развития цифровой экономики синтез политической экономии и неоклассической теорий нецелесообразен. Необходимо создать концепцию, которая покажет диалектическое единство данных теорий, но с параллельным существованием.

Анализ показывает, что марксистское учение является первоисточником парадигмы о производительных силах, которое намного содержательнее, обширней, информативней, а также актуальнее, чем представлялось раньше. К. Маркс охарактеризует производство как целенаправленную деятельность людей на создание потребительных стоимостей. Ученый именует простыми, необходимыми во всяком процессе труда моментами самую целесообразную деятельность человека («самый труд»), предмет труда и средства труда [11, с. 189]. Для процесса труда, считает К. Маркс, необходимо следующее: «материальные факторы, или средства производства, и личный фактор» [11, с. 195-196.], т. е. рабочая сила. Отечественная парадигма производительных сил базировалась на ее марксистской философско-методологической трактовке: «производительные силы – это исторически создавшееся отношение людей к природе...» [4. с. 25]. В данной интерпретации предполагалось выделение двух взаимодействующих компонентов, которые составляют структуру производительных

сил: «средства производства и люди с их опытом и навыками к труду, вырабатывающие материальные блага». Главным компонентом в этом двуединстве являются люди, точнее рабочие, трудящиеся – «первая производительная сила всего человечества», – по мнению В.И. Ленина [8. с. 359]. Трудящиеся реализуют производство, оказывают влияние с помощью орудий труда на предмет труда, подвергают его надлежащему обрабатыванию. Рабочий создает, улучшает и применяет орудия труда. Без человека, его осознанного, целенаправленного влияния никакие, даже самые «умные» современные машины не функционируют, считает К. Маркс. Наряду с этим, машины подвергнуты разрушительному действию естественного обмена веществ (железо ржавеет, дерево гниет). Рабочий, трудящийся – центральный, но не единственный элемент производительных сил, так как не только отсутствие рабочей силы, но и отсутствие средств производства делает производство неосуществимым. «Какими бы не были общественные формы производства, – разъяснял К. Маркс, – рабочие и средства производства всегда остаются его факторами... Для того чтобы вообще производить, им необходимо объединиться» [11, с. 195-196]. Таким образом, в состав производительных сил включаются, в первую очередь, рабочая сила и средства производства. Рабочая сила – это совокупность физических и духовных способностей человека как производителя, средства производства определяется как совокупность вещественных факторов, с помощью которых осуществляется процесс производства как предметная деятельность человека: предмет труда, на преобразование которого в необходимый продукт сконцентрирована целесообразная деятельность производителя, и средства труда, посредством которых деятельная рабочая сила оказывает влияние на предмет труда. «Средство труда – это вещь или комплекс вещей, которые стоят между человеком и предметом труда. Средства труда предназначаются для человека в качестве проводника его влияний на этот предмет» [11, с. 190-192]. Если анализировать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то и средство труда, и предмет труда выступают в роли средств производства, а труд – как производительный труд [1, с. 105-107].

В Капитале К. Маркс характеризует производительные силы как «производительные органы общественного человека» [11, с. 383], «непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [10, с. 215], как «историческое условие, – условие, которое само есть исторический результат и продукт предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства» [9, с. 450], как выражение производительной деятельности общества, «приспосабливающей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям» [11, с. 51], как силы, которые определяют «степень интенсивности труда и отсюда – степень его экстенсивности реализации» [10, с. 80].

В соответствии с марксистским учением, в состав производительных сил не только входит рабочая сила и материальные средства производства, К. Маркс также относит к производительным силам кооперацию, разделение труда, силы природы, науку, даже потребности и другие факторы. Если сопоставить подобные факторы с марксистским пониманием общей структуры общества, то следует сделать вывод, что едва ли не все элементы общественной структуры могут выступать в роли производительных сил. Поскольку кооперация и разделение труда – это особенные виды производственных отношений; наука – особенная форма общественного сознания и т. д. Возникает вопрос, какие элементы общественной структуры отсутствуют в приведенном перечислении и не могут ли они также выступать в роли производительных сил? По мнению Г. Багатурия отсутствует государство и отношения собственности. Но относительно государства надлежит принять во внимание знаменитую мысль Ф. Энгельса о возможности тройного соотношения государства и экономики: государство либо содействует экономическому развитию, либо замедляет его, либо в одних отношениях содействует, а в других замедляет. По-видимому, в первом случае оно выступает как своего рода производительная сила. Несложно согласиться, что отношения собственности, адекватные существующим производительным силам, обязаны способствовать их развитию, и, значит, тоже выступать в роли своеобразной производительной силы [1, с. 111-114].

Аналогичные мнения о сущности производительных сил К. Маркс и Ф. Энгельс аргументировали в 40-х годах XIX века, когда в развитых странах распространялась первая волна промышленной революции и в индустриальном производстве властвовал второй технологический уклад, где решающую роль играли отрасли тяжелой индустрии с многомиллионными армиями пролетариев-рабочих. Догмой являлось и разделение труда рабочего на производительный труд (т. е. общественно полезный и общественно организованный), который мог воспроизводиться только в материальном производстве, и непроизводительный труд, т. е. находящийся за пределами материального производства и не включенный в общественно организованное и общественно полезное производство [4, с. 25].

Предметом труда является все, что черпается человеком из природы и подвергается обработке, на что направляется его трудовая деятельность для того, чтобы преобразовать целью в необходимый материальный продукт, идущий потом в общественное, производственное или личное потребление. Возникает вопрос: если производительные силы – это силы, созданные обществом, для того чтобы с помощью их оказывать влияние на природу и изменять ее, то можно ли предмет труда, т. е. взятое из природы вещество, отнести в состав производительных сил? По данному вопросу в нашей литературе нет единой точки зрения. Одни авторы считают, что предмет труда по своей специфической функции не включается в производительные силы, а представляет «их прямую противоположность» [7, с. 56]. Другие, соглашаясь с тем, что всеобщий предмет труда, каковым является природа, не может входить в состав производительных сил, обращают внимание на то, что «в производстве обычно оперируют предметами, в которых предварительно вложен какой-то труд», что человек «не только обретает в природе готовый предмет труда, но и создает себе этот предмет» (различного рода сплавы, синтетические и другие материалы) [14, с. 250]. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что предмет труда включается, наряду с изготовленными человеком орудиями труда, в вещный элемент производительных сил, но лишь в той мере, в какой к нему уже применены усилия человека, например, добытые из недр земли и используемые в производстве как сырье или топливо – нефть, газ, уголь и т. п. [7, с. 123.]. Д. Чесноков утверждал: «Производительные силы – это силы человеческого общества, т. е. силы, созданные людьми и приводимые ими в движение. Поэтому в производительные силы предмет труда включается лишь в той мере, в какой он уже поглотил в себя живой человеческий труд. Ученый считал, что производительные силы – это труд в широком смысле слова, труд непосредственный и накопленный» [19, с. 65-66].

Таким образом, в классической марксистско-ленинской трактовке производительные силы – это совокупность всех компонентов, которые непосредственно принимают участие в создании материальных благ в процессе так называемого производительного труда. На протяжении многих десятилетий подобное понимание сущности производительных сил пронизывало все стороны общественного развития, устанавливало практику социалистического строя, входило в систему высшего образования.

В конце XIX века зарождается новое течение в современной экономической мысли – институционализм, объектами исследования которого являются определенные институты (корпорация, государство, профсоюзы), а также правовые, психологические и морально-этические аспекты (обычай, навыки, инстинкты и проч.). Данные институты, по мнению представителей институционализма считаются основными движущимися силами развития человеческого общества. К представителям данного течения относят следующих: американские ученые Т. Веблен, Дж. Коммонс, В. Митчелл, Дж. Гэлбрейт, Г. Хейлброннер, Д. Норт, английский экономист Дж. Гобсон и др. Значительное влияние на формирование идей институционализма имели труды представителей исторической школы политической экономии и развитие социологии.

Т. Веблен выступал против марксистского подхода к анализу общества, в частности критиковал доминирующую роль производительных сил, которая, согласно марксистской

концепции, рассматривалась как базис развития всего общества. Также ученый негативно относился к неоклассическому пониманию человека как рационального оптимизатора и считал, что представление о человеке как о субъекте, «бесконечно рассчитывающем ощущения удовольствия и боли» является неверное [2, с. 99–111]. Поведение хозяйствующего субъекта определяется не оптимизирующими расчетами, а инстинктами, которые определяют цели деятельности, и институтами, определяющими средства достижения этих целей. Т. Веблену характерен социальный подход к анализу экономических процессов и исследование общества как целостной системы. Ученый предлагал историко-генетический метод исследования со своеобразным применением теории дарвинизма в политической экономии и рассматривал свою концепцию как учение об эволюции экономических институтов, то есть как постепенные эволюционные изменения обычаев, морали, общественной психологии. По мнению Т. Веблена, движущимися силами, которые стимулируют человека к производительной экономической деятельности являются следующие: родительское чувство, инстинкт привычки, инстинкт соперничества, инстинкт праздного любопытства, инстинкт мастерства, то есть человека почти подсознательно влечет к эффективному выполнению работы. Инстинкт привычки, с точки зрения Т. Веблена, играет особую роль в человеческом поведении. Динамика экономического развития зависит от того, какие инстинкты преобладают в человеческом поведении. Если преобладают первые три инстинкта (или связываются с последним инстинктом, т.е. «входят в привычку»), т.е. человеческое поведение подчиняется желанию хорошо выполнять свою работу (инстинкт мастерства), альтруистической заботой об общем благе (родительский инстинкт) и стремлением к новым знаниям (инстинкт праздного любопытства), то оно – будучи, по терминологии Т. Веблена, «промышленным поведением», – приводит к стремительному техническому развитию или «росту технологического мастерства». Если же превалируют «эгоистические инстинкты» – приобретательства, конкуренции, агрессии и желания прославиться, то такое человеческое поведение, приобретающее форму «денежного соперничества», отрицательно воздействует на хозяйственное развитие [16, с. 132].

Следует отметить, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что в процессе труда рабочий не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а наоборот изнуряет себя, ощущает себя несчастным; относится к своей личной деятельности как к чему-то чуждому, не относящемуся к нему. Здесь Деятельность выступает как страдание, сила – как немощь, оплодотворение – как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо, что такое жизни, если она не есть деятельность?) – как повернутая против него самого, которая не зависит и не принадлежит ему. Это есть самоотчуждение...» [12, с. 564].

Однако, на рубеже 1970-1980 гг. в США зарождается новая экономическая социология. В последующие десять лет в американской экономической социологии сформировался методологический консенсус. Главными элементами данного консенсуса являются: идея субстантивной науки о хозяйстве К. Поланьи, веберовская социология (в прочтении Р. Сведберга), междисциплинарный сетевой подход (принесенный в экономическую социологию Х. Уайтом, М. Грановеттером и Р. Бертом), а также неоинституционализм, возникший в экономической теории и адаптированный социологами организаций (М. Хэннан, Дж. Фримен, Дж. Мейер, П. ДиМаджио и др.).

Концепция перформативности позволяет экономико-социологическому исследованию справиться с необходимостью отталкивания от экономических подходов к изучаемым феноменам и критиковать данные подходы. Метаморфоз «человека экономического» из объекта критики в объект исследования удачен не только тем, что дает разрешение спору о «правильной» модели человека. Оно дает возможность по-новому размечать дисциплинарные границы: экономическая социология больше не претендует на исследование объектов экономической теории при помощи своего специального метода – вместо этого – экономическая теория (и экономическая наука в целом) становится частью объекта экономической социологии. В центре исследования выражается не

абстрактный человек, обусловливаемый его фундаментальными антропологическими свойствами, а человек, которого формирует современная цивилизация, и не в последнюю очередь – экономическая наука как важнейший элемент или даже выражение духа этой цивилизации.

Следует отметить, что внимание к сфере хозяйства со стороны этих исследователей связано со устремлением распространить на экономическую науку опыт исследований естественных наук, показывающий, что наука неотделима от социального контекста ее существования, притом институционализированный процесс научного познания в такой же мере воздействует на исследуемую реальность, в какой эта реальность обуславливает его содержание и протекание. Другими словами, наука существует лишь постольку, поскольку конструирует объекты, имеющие значение за ее пределами, и чем большее значение они поучают, тем более весомой становится роль науки. Взаимоотношения между наукой и технологией необходимо подвергать рассмотрению в качестве взаимодействия, а не как одностороннего влияния [20, с. 234-235]. Следовательно, в данном течении основные движущие силы развития общества рассматриваются в виде «человека экономического», науки и технологий.

XX век для Российской Федерации характеризуется как индустриальная эпоха, в этот период была создана мощная промышленность нашей страны, основу которой составляли громадные предприятия второго и третьего технологических укладов. «Пространственную проекцию производительных сил являли в то время мощные территориально-производственные комплексы (далее – ТПК), а также промышленные узлы и промышленные районы. Советские ТПК (например, Братский, Западно-Сибирский, Канско-Ачинский), занимавшие площади в сотни и тысячи квадратных километров, формировавшиеся на базе крупных источников сырья, топлива и других немобильных ресурсов, с гигантскими предприятиями тяжелой индустрии, олицетворяли собой мощь социалистической индустриальной эпохи» [15, с 34-37]. Экономическая политика СССР, которая долгое время ориентировалась на приток материального производства, привела к торможению развития непродовольственных отраслей, ухудшению качества жизни населения, замедлению перехода экономики страны на четвертый и пятый технологический уклады, деформации структуры хозяйства экономических районов.

Современная экономическая теория, которая складывается под воздействием постиндустриальных трансформаций цифровой экономики, привела к расширению представления о сущности производительных сил, включив в ее состав не только материальное производство, но и нематериально-производственную сферу [5, с. 6; 6, с. 152-153; 19, с. 23]. В традиционной политической экономии производительные силы характеризуются как совмещение средств производства (средства труда и предметы труда) и человека, имеющего имманентно присущими ему знаниями, умениями и навыками, т.е. «человеческим капиталом». Причем роль и значение человека как производительной силы трансформируется в процессе перехода к постиндустриальному этапу развития общества и экспоненциально возрастает. Кроме того, постиндустриальный этап видоизменил и структуру производительных сил, включив в нее в качестве самостоятельных элементов знания и информацию [3, с. 28].

В экономической литературе выделяются следующие этапы развития производительных сил и производственных отношений. В основу этапизации положен критерий состояния уровня развития производительных сил и соответствующая ему отраслевая структура экономики [3, с. 30-34]:

1-й этап: аграрный. Данный этап характеризуется присутствием прямой связи между производительными силами и структурой общественного потребления, устанавливаемой состоянием производственных отношений. Производительные силы в тот период были самыми примитивными, применяемые технологии – элементарными. Они применялись в основном в сельском хозяйстве и были направлены на рост производительности труда. Основная часть товаров производилась для личного потребления при помощи ручного репродуктивного труда. Подавляющая часть

хозяйственной деятельности была сосредоточена на производстве продуктов питания, достаточных для личного потребления. В качестве лимитирующего фактора была доступность такой составной части производительных сил, как земля. По сути, данный этап характеризует доиндустриальный тип производства на уровне отдельных домохозяйств. Структура занятости в рамках данного этапа однозначно свидетельствует о доминировании сельскохозяйственного сектора (70–80% занятых), остальная часть работников приходится на промышленность и сферу услуг.

2-й этап: индустриальный. Этап характеризуется наличием опосредованной связи между производительными силами и структурой общественного потребления, тождественной существующим производственным отношениям. Возникает с появлением простейших технологий, процессами разделения и кооперации труда, появлением класса посредников. Основная направленность развития экономики — рост производства и удовлетворение потребительского спроса на товары. Технологии основаны на механизации производства. Менеджмент ориентирован на увеличение отдачи от используемых в производстве факторов. Работник индустрии выступает неотъемлемым звеном производственного процесса. Объем накопленных знаний составляет около 5×10^{15} байт. Производственные отношения адекватны конвейерному типу производства с использованием репродуктивного машинного труда, ориентированному на максимизацию прибыли. Производительные силы направлены на создание материальных благ и товаров. Основой производительных сил и одновременно лимитирующим фактором их развития выступает капитал. В рассматриваемых историко-экономических границах эволюция производительных сил, адекватных существующему типу производственных отношений, описывается «марксовыми закономерностями». Впоследствии такая логика была использована для проектирования командно-административной (плановой) экономической модели в социалистических странах, в частности в СССР. Существующий тип производства ориентирован на удовлетворение потребностей общества через архаичную, рыночную форму связи с конечным потребителем. Потребитель не персонифицирован. В итоге происходит, отрыв динамики движения материально-вещественных факторов производства от их денежной формы, причем не только реальной, но и виртуальной. Структура занятости в рамках данного этапа однозначно свидетельствует о доминировании индустриального сектора (около 70% занятых), остальная часть работников приходится на промышленность и сферу услуг.

3-й этап: постиндустриальный (информационно-манипулятивный). Этап характеризуется наличием виртуальной связи между производительными силами и индивидуальным потреблением, адекватной формируемым производственным отношениям. Логика развития и структура производительных сил обусловлены «производством» и использованием информации как доминантного ресурса и фактора производства с тем, чтобы повысить максимальную отдачу (производительность) от традиционных факторов. Объем накопленных знаний составляет около 6×10^{18} байт. Трансформируются состав и структура производительных сил. Появляются их новые формы и элементы, в частности: новые материалы (нано-) и сырье (новые источники энергии, которые стали доступными вследствие «сланцевой революции»); новые технологии (когно-, инфо- и пр.); новые факторы производства (знания и информация); работники «нового типа» или так называемые «мобильные интеллектуалы».

Цифровая экономика позволяет наращивать производительные силы без увеличения масштабов потребления материальных фондов производства и без привлечения дополнительной рабочей силы. Основой интенсивного роста производительных сил становятся ускоренно растущая цифровая, инновационная составляющая производства. Многие ученые, в состав производительных сил относят: интеллект, научно-творческий потенциал человека; мотивация труда; предпринимательский ресурс; техника, технологии; энергетическая и материально-сырьевая база; культурная среда; организационно-структурные факторы; экономическое пространство и т. д., следовательно, глубинной сущностью производительных сил является непосредственное участие людей в создании благ.

Следует отметить, что в настоящее время меняется содержание важнейшего компонента производительных сил – труда. Напомним, что труд, вернее «рабочая сила», определялся марксистской школой как практически применяемые способности людей непосредственно создавать материальные блага, другими словами – обрабатывать предметы труда с помощью средств труда. Однако труд несет не только созидательную, но и важнейшую организующую функцию, способность воздействовать на другие элементы производительных сил, менять их связи и соотношения в процессе производства благ, предопределяя его результативность. Современные авторы предлагают широкий круг различных компонентов производительных сил, связанных с трудом: организаторские и предпринимательские способности, научно-творческий потенциал, интеллект, информационную базу и др. На наш взгляд, это не отдельные компоненты, их не следует выделять в структуре производительных сил. Это неотъемлемые характеристики той самой категории «труд», о которой мы говорили выше. Сегодня труд работника представляет собой не просто рабочую силу, а комплексный и наиболее важный элемент производительных сил благодаря своей способности быстро отвечать резко изменяющимся внешним условиям.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, сделаем следующий вывод. Вследствие развития цифровой экономики и таких важнейших ее компонентов, как внедрение робототехники в производственных процесс, исследования в сфере искусственного интеллекта, применение сквозных технологий и другое, также необходимо пересмотреть составляющие производительных сил. Следует подчеркнуть, что в марксистской школе рабочий, трудящийся – главный элемент производительных сил. Он создает, усовершенствует и использует орудия труда. В свою очередь, необходимо отметить, что производственные ресурсы входят в новый этап развития, который, по нашему мнению, следует назвать «цифровой этап». Так как, мы сталкиваемся с тем, что в эпоху цифровой экономики происходит трансформация производственных сил и вводится в структуру производительных сил такой элемент как робот. Исходя из этого, можно заключить, что базовые структурные элементы категории «производительные силы» изменились как количественно, так и приобрели существенные качественные изменения. Однако, несмотря на то, что в ближайшем будущем большинство производственных процессов будет автоматизировано и труд рабочего полностью или частично будет заменен робототехникой, мы считаем, что человек все равно остаётся главной движущей производительной силой. Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что глобальное стремительное развитие цифровой экономики является следствием модификации структуры производственных отношений и формирования нового цифрового общества. Поэтому, для того чтобы, в будущем, обеспечить нашему государству технологическое лидерство, необходима трансформация существующей институциональной среды и создание новых цифровых институтов. В качестве перспектив дальнейших исследований следует указать необходимость создания и анализа концепции политической экономии и неоклассической теорий, которая интегрирует и рассмотрит диалектическое единство данных теорий, с параллельным существованием

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Багатурия Г.А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1983. № 9. С. 103 – 116.
2. Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 2. С. 99–111.
3. Гречко М.В. Эволюция и трансформация производительных сил и производственных отношений в контексте постинституциональных преобразований и развития экономики России // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – N 35. – С.27-37
4. Денисова О.Ю., Анимица Е.Г. Производительные силы как основы формирования

территориальной структуры хозяйства // Известия УрГЭУ. 2013 № 2(46) С. 24-27.

5. Дятел Е.П. Маржинальная сущность услуги // Изв. УрГЭУ. 2010. №2(28). С.5-17.

6. Дятел Е.П. Сущность производственных услуг, их роль в формировании среды жизнеобеспечения предприятия // Изв. УрГЭУ. 2009. №2(24). С. 151-154.

7. Исторический материализм / Под ред. А. П. Шептулина, В. И. Разина. М.: Высшая школа, 1974. – 336 с.

8. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 38. – М. : Изд-во полит. лит., 1970.- 570 с.

9. Маркс К. и Энгельс Ф Сочинения. 2-е изд. т. 25. Часть 2. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – 554 с.

10. Маркс К. и Энгельс Ф Сочинения. 2-е изд. т. 46. Часть 2. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 585 с.

11. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. т. 23. – М.: Издательство политической литературы, 1960. – 901 с. стр. 189, стр. 383

12. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Политиздат, 1956. – 689 с.

13. Мозулев С.Н. Кластерный подход как основа управления конкурентоспособностью региона // Изв. ИГЭА. 2006. №4. С. 26-29.

14. Основы марксистско-ленинской философии / Константинов Ф. В., Богомолов А. С., Гак Г. М. и др. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1973. – 544 с.

15. Планирование размещения производительных сил СССР : осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства : в 2 ч. / Отв. ред. В. В. Кистанов. – М.: Экономика, 1985-1986.

16. Розмаинский И.В. Институционализм // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 4. С. 130-144.

17. Синицкий С.В. Стратификация кластеров и их место в реализации мезо- и мега-экономической политики регионов // Изв. ИГЭА. 2007. №2. С. 91-95.

18. Черковец В.Н. Переход к рыночным системам и воспроизводство (проблемы по-литэкономии) // Вестн. МГУ. Сер. 6: Экономика. 2002. №4. С. 14-33.

19. Чесноков Д. И. Исторический материализм. М.: Мысль, 1964. – 496 с. стр. 65—66.

20. Barnes V., Bloor D. Relativism, Rationalism, and the Sociology of Knowledge // Rationality and Relativism / Ed. M. Hollis and S. Lukes. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982.